

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

От Нарвы до Феллина
1558—1560 гг.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Очерки истории Ливонской
войны. От Нарвы до
Феллина. 1558—1561 гг.**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Пенской В. В.

Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина.
1558—1561 гг. / В. В. Пенской — «Центрполиграф»,
2017 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-07698-4

В январе 1558 г. русские полки по повелению Ивана Грозного перешли русско-ливонскую границу. Четыре года, с 1558 по 1561 г., Прибалтика была объята пламенем войны, которая вскоре получила название Ливонской (в свою очередь, эта война стала частью более длительного конфликта, который можно назвать Войной за ливонское наследство, длившейся де-факто с 1555 по 1595 г.). В результате действий русских войск «больной человек» Северо-Восточной Европы, Ливонская «конфедерация», состоявшая из Ливонского ордена, Рижского архиепископства и ряда других, более мелких владений, была разгромлена, распалась и разделена между могущественными и алчными соседями. История этой войны, несмотря на ее значение для последующей истории не только России и Прибалтики, но и вмешавшихся в конфликт государств – Польши, Литвы, Швеции, Дании, – изучена крайне слабо, в особенности отечественной историографией. В этой небольшой работе, написанной с использованием как отечественных, так и зарубежных источников и литературы, восполняется этот пробел. В ней дан краткий военно-исторический (и отчасти – дипломатический) очерк этого конфликта, который будет полезен не только историкам, но и всем, кто интересуется и русской историей, и в особенности историей русского военного дела XVI в.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-07698-4

© Пенской В. В., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	7
Пролог	9
1. Главная война Ивана Васильевича?	9
2. Ливонский «узелок»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виталий Пенской
Очерки истории Ливонской войны.
От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг.

© Пенской В.В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

От автора

Идея написать эту книгу родилась случайно и на первых порах не входила в наши планы. Занимаясь изучением истории русского военного дела в «классический» «московский» его период (2-я половина XV – начало XVII в.), в первую очередь мы интересовались историей русско-крымских конфликтов, поскольку с середины XVI в. на несколько десятилетий именно Крым становится если не самым главным, то, во всяком случае, наиболее опасным врагом Русского государства. Да и то сказать – даже на пике своих успехов Стефан Баторий, король молодой Речи Посполитой, мог только мечтать о походе на Москву и ее разорении, тогда как крымский хан Девлет-Гирей дважды подступал к Москве, в 1571 и 1572 гг., и даже спалил ее в мае 1571 г. Ливония же была для Ивана Грозного и его бояр даже не второстепенным неприятелем, и уж точно не рассматривалась как объект приложения основных внешнеполитических и военных усилий. Однако в 2012 г., случайно заинтересовавшись историей Ливонской войны (благодаря А. Томсинову, за что мы ему признательны), мы обратили внимание, что при всем том внимании, которое уделялось и уделяется истории этого конфликта в отечественной исторической и окологисторической литературе, именно военный аспект его практически не разработан. В лучшем случае в книгах можно отыскать лишь самый общий абрис военных усилий России в этой войне (отметим сразу, что мы исходим из того, что Ливонская война – это прежде всего конфликт между Русским государством и Ливонской конфедерацией в 1558–1561 гг., которая, в свою очередь, выступала частью более крупного конфликта, в который так или иначе оказались втянуты не только Россия и Ливония, но Великое княжество Литовское и Польша, в 1569 г. объединившиеся в новое государство, известное под названием Речь Посполитая, а также Дания, Швеция и Ганзейский союз).

В итоге мы решили для начала хотя бы для себя разобраться в военных перипетиях именно Ливонской войны как важнейшего военного конфликта на начальном этапе Войны за ливонское наследство (так, по нашему мнению, было бы правильнее назвать серию войн на Балтике и прилегающих к ней землях Северо-Восточной Европы в 1555–1595 гг.). Как результат, на свет появилась серия статей об отдельных эпизодах этой войны, которые затем (благодаря любезному предложению К. Козюренка и К. Нагорного) превратились в краткий популярный очерк истории этой войны, опубликованный в одном из выпусков сетевого военно-исторического журнала «История военного дела: исследования и источники». А затем при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-41-93017) этот краткий очерк был существенно переработан, дополнен и расширен, в результате чего на свет и появилась эта книга.

Безусловно, автор прекрасно понимает, что для того, чтобы закрыть эту тему, усилий одного исследователя недостаточно – множество участников конфликта, втянутых в него или непосредственно (как Россия или Польша), или косвенно (та же Священная Римская империя или Англия), колоссальный объем отложившихся документов и иных материалов, включая дипломатическую переписку, воспоминания участников, исторические хроники и прочая, и прочая, и прочая, делает эту работу совершенно неподъемной. Здесь не обойтись без создания международной исследовательской группы, в которую вошли бы историки стран, так или иначе связанных с этой войной. Однако это дело далекого будущего, но автор полагает, что его скромный вклад в разработку этой проблемы не останется незамеченным и будет способствовать (вместе с исследованиями А. Филюшкина) росту интереса к этой и связанной с нею проблеме (и если это произойдет, то автор будет считать свою первостепенную задачу выполненной). И кто знает, может быть, полная и всеобъемлющая история и Ливонской войны, и Войны за ливонское наследство все же будет написана, и случится это скорее, чем можно надеяться.

В завершение, прежде чем предложить читателям перевернуть эту страницу и начать чтение истории Ливонской войны, хотелось бы отметить, что, работая над ней, мы постарались по максимуму использовать опубликованные материалы и источники как с русской, так и с другой, в первую очередь ливонской и польско-литовской, стороны. Это стало возможным благодаря проделанной кампанией Google колоссальной работе по оцифровке и размещению в свободном доступе огромного массива литературы, прежде всего сборников документов, по заинтересовавшей нас теме. Отдельно мы выражаем признательность А. Баранову, который оказал нам помощь и содействие в поиске опубликованных и размещенных в Сети материалов по истории конфликта. И конечно же мы не можем искренне не поблагодарить нашу супругу, Т. Пенскую, неизменно поддерживавшую и поддерживающую нас в наших научных изысканиях и обеспечивающую нам надежный тыл.

Пролог

1. Главная война Ивана Васильевича?

Странный вопрос – скажете вы, уважаемый читатель, это же ясно как божий день! Речь дальше пойдет о Ливонской войне, которая, как известно всем со школьной скамьи, длилась четверть века – с 1558 г., когда полки Ивана Грозного вторглись в Ливонию, и до 1583 г., когда было подписано Плюсское перемирие между Россией и Швецией.

Этот военный конфликт считается одним из ключевых событий русской истории как оказавший огромное воздействие на развитие и Русского государства, и русского общества. И в этом, на первый взгляд, нет никакого преувеличения. «Правление Ивана (Грозного. – В. П.) раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагоприятной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом – была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам (хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно. – В. П.). Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...» – писал британский историк Дж. Хоскинг¹. С этим утверждением можно поспорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно – молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя имперский груз. Борьба за ливонское наследство, в которую втянулся Иван Грозный в 1558 г., ускорила возобновление застарелого, начатого еще дедом Ивана, тоже Иваном, но Иваном III, конфликта с Великим княжеством Литовским, которое рассматривало Ливонию как сферу исключительно своих интересов. И все это происходило на фоне резко обострившегося в начале 50-х гг. противостояния с Крымским ханством как составной части борьбы на этот раз уже за ордынское наследство. В итоге многолетняя война на несколько фронтов ускорила наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического кризиса². Его последствия полностью преодолеть так и не удалось, и в начале XVII в. произошел взрыв, поставивший страну на грань гибели.

Казалось бы, при таком раскладе история Ливонской войны должна была стать предметом пристального внимания историков, и не только российских. Однако, увы, есть все основания согласиться с мнением петербургского историка А.И. Филошкина, который с горечью писал, что «среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования», выделяется тем, что она, как это ни парадоксально, «одна из самых незначительных»³. Полноценного исследования по истории Ливонской войны в отечественной, да и в зарубежной историографии, по существу, нет до сих пор. Исследованию подвергались отдельные страницы ее истории⁴, но попыток составить отдельные фрагменты мозаики в целостное повествование,

¹ Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. 1. М., 2003. С. 156.

² Первые симптомы экономического и хозяйственного неблагополучия обозначились на Северо-Западе еще в конце 40-х гг. XVI в. (см., например: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 294–295). Однако в полную силу он разгорелся во 2-й пол. 60-х – 70-х гг. XVI в.

³ Филошкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008. С. 88.

⁴ Подробный анализ историографии истории Ливонской войны не входит в нашу задачу, поскольку это предмет отдельного исследования. Тем же, кто хочет познакомиться подробнее с «дискурсами Ливонской войны», мы рекомендуем обратиться к соответствующим разделам последнего исследования А.И. Филошкина (Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и

в котором тщательному разбору и анализу были бы подвергнуты если и не все, то хотя бы самые важные аспекты этого события, практически не было. Если вести речь об отечественной исторической науке, то единственной отечественной работой, в которой была сделана такая попытка, является вышедшая более полувека назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война» (и то она, к сожалению, является скорее научно-популярной, нежели сугубо научной, академической работой). Образно говоря, титаническая фигура Ивана Грозного вобрала в себя все внимание историков, не оставив им ни времени, ни сил для столь же основательного изучения других сюжетов из истории той эпохи (хотя даже опубликованных источников, как русских, так и зарубежных, достаточно для того, чтобы подготовить обзорную работу по той же военной истории конфликта в Ливонии). Добавив к этому определенный «консерватизм» исторической мысли⁵ и «шаблонность» мышления историков⁶, и на выходе мы получим то, что имеем, – общее невнимание (как это ни парадоксально звучит) историков к Ливонской войне (в особенности к военной составляющей ее истории) и набор «образов», или, если хотите, мифов, причем весьма устойчивых, определяющих ее образ в массовом историческом сознании, но при этом имеющих весьма опосредованное отношение к минувшей исторической реальности.

Прежде всего, коснемся первого из этих устойчивых «образов» – собственно самой Ливонской войны 1558–1583 гг. По нашему глубокому убеждению, под этим общепринятым термином скрывается целая цепочка военных конфликтов, которые хотя и были связаны друг с другом, тем не менее четко различались современниками и лишь позднее уже потомками были объединены под одним именем⁷. Причины, вызвавшие к жизни эту войну, охарактеризовал уже упоминавшийся нами выше А.И. Филюшкин, один из немногих современных отечественных историков, серьезно занимающихся историей войны за Ливонию. Он отмечал, что «в середине XVI века сошлись несколько факторов, из-за которых передел балтийского мира стал неизбежен». Это и упадок немецких рыцарских орденов, обосновавшихся за несколько столетий до этого в Прибалтике и Пруссии; и стремительное ослабление некогда могущественного союза северогерманских городов – Ганзы; и освобождение из-под власти Дании Швеции с Норвегией; и стремление объединенных личной унией Польши и Литвы распространить свою власть и влияние на орденские владения и получить выход к морю; и желание России поставить под свой контроль отлаженную веками систему посреднической торговли, которую вели прибалтийские города, обеспечив тем самым себе беспрепятственный доступ на рынки Северной Европы и к западноевропейским технологиям (и к военным, и, как это принято сегодня говорить, «двойного назначения»). «Все эти желания и чаяния всех стран Балтийского региона предполагали одно и то же: Ливонский орден должен прекратить существование и послужить во благо других государств своими территориями, городами, деньгами и прочими ресурсами и богатствами», – завершал свою мысль историк⁸. Одним словом, речь шла о том, кто наложит руку на ливонское наследство и заполнит тот политический вакуум, который неизбежно должен был образоваться в результате смерти, не важно, естественной или насильственной, Ливонской конфедерации (назовем ее так, поскольку, помимо ордена, здесь важную роль играл рижский архиепископ и епископ Дерпта). А в том, что эта смерть рано или поздно должна была наступить, вряд ли стоило сомневаться. К середине XVI в. ослабевшая, раздираемая внутренними противоре-

Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013).

⁵ Этот «консерватизм» в юристической, но оттого не менее наглядной форме продемонстрировал византинист И. Шевченко в своем «законе собаки и леса» (См.: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2009. С. 12–13).

⁶ Применительно к эпохе Ивана Грозного и к его личности эту «шаблонность» столь же метко и образно охарактеризовал А.И. Филюшкин. В одной из своих работ он отметил, что «уже несколько столетий мы смотрим на русский XVI век через очки, надетые Андреем Курбским на историков» (*Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. М., 2008. С. 9).

⁷ По мнению А.И. Филюшкина, первым из отечественных историков это сделал князь М.М. Щербатов в своей «Истории Российской с древнейших времен» и окончательно закрепил Н.М. Карамзин (См.: *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы. С. 252–254).

⁸ *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 88–91.

чиями и смутой Ливония, этот «больной человек Северо-Восточной Европы», уже не могла противостоять желанию более могущественных соседей полакомиться ею и была обречена. Но интересы держав, которым предстояло сойтись в смертельной схватке, имели разную направленность. Главным следствием упадка Ливонии стало то, что в северо-восточной части Европы во весь рост встали два вопроса, которые вскоре станут причиной неоднократных войн в этом регионе, – «балтийский» и «ливонский». Соглашаясь в этом с мнением, высказанным А.И. Филюшкиным, все же отметим, что при всей тесной взаимосвязи этих вопросов они имели свою специфику. «Балтийский» вопрос имел «морской» характер и затрагивал в первую очередь интересы Дании и Швеции (а также союза северогерманских торговых городов, Ганзы⁹, имевшей на Балтике свой интерес), которые боролись за право установить собственный контроль за Балтийским морем и в полной мере использовать полученную монополию на владение *Mare Balticum* для реализации своих великодержавных планов. «Ливонской» же вопрос был преимущественно «континентальным» и касался в первую очередь Русского государства и Великого княжества Литовского. При этом создается впечатление, что последнего даже в большей степени, нежели первого – король Польши и великий князь Литовский Сигизмунд II пытался за счет поглощения Ливонии возместить убытки от окончательно заглухнувшей к тому времени попытки развить экспансию в южном направлении, в сторону Черного моря. Ивану же Грозному и его боярам в 1-й половине 1550-х гг. было не до Ливонии, ибо на волне послеказанской эйфории они были захвачены идеей окончательного разрешения татарского вопроса посредством подчинения Крыма воле Москвы. И схватка между Москвой и Вильно из-за Ливонии по большому счету стала продолжением начавшейся еще при Иване III и Казимире IV 200-летней русско-польско-литовской войны, победитель в которой получал поистине царский приз – доминирование в Восточной Европе. Потому-то и ставки в этой борьбе для русского и литовского монархов выше, нежели чем для датского и шведского, равно как и значимость русско-литовской борьбы за Ливонию представляется для судеб Восточной и Северо-Восточной Европы более весомой, чем последствия датско-шведской морской войны (так называемой Семилетней, 1563–1570 гг.)¹⁰.

В свете всего сказанного выше нам представляется, что логичным было бы расширить рамки привычной нам Ливонской войны, определив началом ее 1555 г., когда вспыхнул скоротечный военный конфликт между Русским государством и Швецией, а концом – опять-таки Русско-шведскую войну 1591–1595 гг. И поскольку боевые действия на море занимали во всех этих конфликтах в целом не самое главное место, то предложенное для них А.И. Филюшкиным название «Балтийские войны»¹¹ представляется не совсем точно отражающим их подлинную сущность. «Балтийская», «морская» составляющая разгоревшегося во 2-й половине XVI в. в Северо-Восточной Европе конфликта все же уступала по своей значимости «сухопутной», «ливонской» ее компоненте. И потому, на наш взгляд, термин «Война за ливонское наследство» подходит для характеристики этой серии войн как нельзя лучше. Более того, цепочка войн, растянувшаяся на 40 лет (с 1555 по 1595 г.), по существу, стала лишь первым этапом борьбы за это наследство, растянувшейся в итоге на без малого два с половиною столетия (если

⁹ Увы, ганзейская, как, впрочем, и ливонская, тематика в исследованиях отечественных историков непопулярна. Единственная крупная (и весьма обстоятельная) работа по истории взаимоотношений Ливонии и Русского государства за последние пару десятилетий – недавно вышедшая монография М.Б. Бессудновой (*Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015). Прекрасным дополнением к ней служит и другая монография исследовательницы, «Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века», вышедшая в Липецке в 2016 г.). А из «ганзейских» книг можно упомянуть лишь исследования украинского историка Н.Г. Подалая (См., например: *Подалая Н.* Могутня Ганза. Комерційний простір, міське життя і дипломатія XII–XVII століть. Київ, 2009).

¹⁰ В современной русскоязычной литературе об этой войне см. научно-популярную работу А. Смирнова: *Смирнов А.* Схватка за золотой маршрут. Стокгольм, б. г.

¹¹ *Филюшкин А.И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 80–94.

считать, что итог ее был подведен Третьим разделом Речи Посполитой и окончательным переходом Курляндского герцогства под власть Российской империи в 1795 г.). И при таком раскладе выходит, что собственно Ливонской войной можно смело назвать боевые действия в Ливонии в 1558–1561 гг. В эти четыре года Москва сокрушила Ливонскую конфедерацию и недвусмысленно заявила о своих претензиях на немалую часть ливонского наследства.

По своему размаху, по количеству вовлеченных в нее сил и средств Ливонская война 1558–1561 гг., третья (после Русско-шведской войны и войны коадьюторов¹²) в ходе Войны за ливонское наследство), отнюдь не впечатляет. Этого не скажешь о ее последствиях, которые повлекли за собой коренное изменение ситуации в СевероВосточной Европе.

Эти-то последствия (о них будет сказано подробнее впоследствии) вкупе с послезнанием о том, как развивались события после решения Ивана Грозного отправить свои войска вразумить неразумных ливонцев и породили другой историографический «образ» о том, что именно Ливонская война (конечно, в ее прежнем смысле) была главной войной Ивана Васильевича. Но так ли это на самом деле? Для ответа на этот вопрос необходимо сделать довольно далекий экскурс в историю внешней политики Русского государства, начав со времен Ивана III, когда, говоря словами немодного ныне классика, «изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя»¹³. Именно тогда, при Иване III, были завязаны те узелки, которые попытался саблей разрубить его внук. И узелки эти – татарский и литовский (с которым, как оказалось, самым теснейшим образом был связан и ливонский вопрос).

Сам Иван III, заручившись поддержкой крымского хана Менгли-Гирея I, фактического основателя Крымского ханства, и подчинив своей воле ханство Казанское (не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что среди самих татарских «юртов», возникших на месте распавшейся Золотой Орды, не было единства – и Крым, и Казань с подозрением взирали на попытки Большой Орды восстановить прежнее единство, и московский великий князь умело этими распрями воспользовался), сосредоточил свои основные внешнеполитические усилия на расширении своих владений за счет земель, ранее вошедших в состав Великого княжества Литовского. Действуя напористо и вместе с тем хитро и изобретательно, применяя, где было возможно, дипломатию, а где нужно – то и прямое насилие, к концу своего правления он сумел отобрать у Ягеллонов немалый кусок прежних приобретений великих литовских князей¹⁴. Его сын и преемник Василий III попытался было продолжить политику своего отца и отвоевал в ходе начавшейся в 1512 г. 1-й Смоленской войны Смоленск (город пал после третьей подряд осады летом 1514 г.). Однако этот успех оказался для него на этом, западном направлении экспансии и последним. Война закончилась в 1522 г. перемирием, Василий сумел удержать за собой Смоленск, ставший камнем преткновения во всех последующих попытках окончательного русско-литовского урегулирования, но добиться большего не смог. И не последнюю роль в этом сыграла позиция крымских Гиреев.

¹² Оба этих конфликта в отечественной историографии практически не изучены. Краткий очерк боевых действий в ходе Русско-шведской войны есть в работе В.А. Волкова «Войны и войска Московского государства» (М., 2004. С. 131–137). Зимний поход 1556 г. русского войска на Выборг подробно проанализирован в статье О.Б. Некрасова «Зимнее наступление русских войск 1556 г. и осада Выборга» (Вестник СПбГУ. Серия 2. 2012. Вып. 1. С. 119–126). О войне же коадьюторов 1556–1557 гг. можно составить общее впечатление из статьи А.И. Филюшкина и В.Е. Попова «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г.» (Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184).

¹³ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века [Электронный ресурс] // http://scepsis.net/library/id_883.html (последнее обращение 12.10.2014).

¹⁴ Об этих войнах см., например: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010; Темушев В.Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.

Почему распался русско-крымский союз, казавшийся столь прочным? Увы, он покоился на довольно шатких основаниях. И Менгли-Гирей, и его преемники, вынашивая идею объединить под своею рукою все татарские юрты и самим воссесть на опустевший было золотоордынский трон, с большой опаской наблюдали за тем, как растет могущество Москвы. И как только отпал мотив, объединявший Крым и Москву (а мотив этот – совместное отражение угрозы со стороны Большой Орды), то и русско-крымский союз прекратил свое существование. Крымские Гирей сочли для себя более выгодным выступить в роли «третьей силы» в русско-литовском противостоянии, ловить рыбку в мутной воде и, открыв «крымский аукцион», разменивать свою благосклонность и готовность поддержать то одну, то другую сторону в обмен на щедрые «поминки» с той или другой стороны. Гордые и год от года наращивавшие свою мощь московиты не отличались особой щедростью. Так, Иван Грозный отписывал по этому поводу своему «партнеру», крымскому «царю», что он «дружбы у царя не выкупает, а похочет с ним царь мириться по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаем...»¹⁵. Этого не скажешь о Ягеллонах. Московский «доброхот» Аппак-мурза еще в 1519 г. жаловался Василию III, что ему трудно отстаивать его, великого князя, интересы, поскольку «от короля (Сигизмунда I. – В. П.) черленное золото, белое серебро льется» рекой (и потому хорошо бы прислать в Крым «доброе своего боярина» с «добрыми поминками с прибавкою», чтобы можно было подкупить татарских вельмож)¹⁶. В результате на протяжении большей части XVI столетия Крым явно или неявно поддерживал Вильно.

Понятно, что воевать с Литвой столь же успешно, как это делал Иван III, его преемники, вынужденные постоянно оглядываться налево, в крымскую сторону, уже не могли. Как-никак, а шагать столь же широко, как прежде, имея на ногах многопудовое крымское ядро, стало невозможно. Игнорировать же татарскую угрозу, как показали события 1521 г., было невозможно – попытавшись переинтриговать Мухаммед-Гирея I, сына и преемника Менгли-Гирея, Василий III дождался хана на Оке под Коломной. В скоротечной битве татары разгромили государевы полки и опустошили окрестности русской столицы. Отдельные крымские разъезды подошли к самой Москве и «в Воробьеве (а село Воробьево находилось всего лишь в 7 км от Кремля, на Воробьевых горах, в районе нынешнего МГУ. – В. П.), в великого князя селе, были и мед на погребех великого князя пили»¹⁷. Растерявшийся и упавший духом Василий III бежал из Москвы, а оставленный «на хозяйстве» в столице его зять, крещеный татарский царевич Петр, был вынужден дать Мухаммед-Гирею грамоту. Согласно этой грамоте московский государь обязывался стать данником крымского «царя». И пусть грамота эта была вскоре утеряна, об этом успехе никогда не забывали и в Крыму, и преемники Мухаммед-Гирея на крымском троне не раз пытались повторить его.

И если бы только ханы! В 1523 г. Мухаммед-Гирей, захвативший было Астрахань, был убит там ногаями. После этого ногаи устроили погром в Крыму, и ханство надолго погрузилось в пучину анархии и политического хаоса. И все бы ничего – разве плохо, если твой недоброжелатель озабочен своими внутренними проблемами и ему не до того, чтобы вставлять тебе палки в колеса? Однако эта затянувшаяся крымская «замятня» привела к тому, что в определенном смысле повторилась ситуация времен великой ордынской «замятни», когда политическая нестабильность внутри Орды спровоцировала рост нестабильности и на русско-ордынском пограничье. Так и сейчас – несдерживаемые больше из Кыркора, многочисленные крымские «царевичи, и сеиты, и уланы, и князья», кликнув не менее многочисленных татарских «казаков», на свой страх и риск отправлялись «за зипунами» на государеву

¹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью (Далее Никоновская летопись) // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. XIII. М., 2000. С. 241.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее СБРИО). Т. 95. СПб., 1895. С. 497.

¹⁷ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 311.

украину. Началась практически непрерывная «малая» война. И эта пограничная, «украинная» «малая» война с летучими отрядами крымцев, которые, по выражению английского дипломата Дж. Флетчера, «кружась около границы подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу...»¹⁸, не прекращалась на протяжении многих последующих десятилетий. Для нескольких поколений русских служилых людей «береговая» служба стала столь же неизбежной, как и восход или заход Солнца. Каждый год ранней весной сотни и тысячи детей боярских с послужильцами заступали на государеву службу «на берегу», вдоль Оки (а с конца века за Окой), для противодействия возможным набегам татарских людо-ловов, и оставались там до поздней осени. В этой татарской, по словам русского философа Г.П. Федотова, «школе» «выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица... Что поражает в нем прежде всего... это его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивления...»¹⁹.

Урегулировать отношения с Крымом, добиться от преемников Менгли-Гирея если не восстановления прежнего союза, то хотя бы благожелательного нейтралитета и избавиться от этого бремени, ложившегося все более и более тяжким грузом на плечи и служилых людей, и кресть ян, и посадских, оказалось фактически невозможно. С одной стороны, у Москвы долгое время не было возможности надавить на крымских ханов чем-то большим, чем просто словами. Дикое Поле, поистине безбрежная степь оказалась для крымских татар крепостью понадежнее, чем самые мощные валы и стены. Если государева рать могла относительно легко достичь Казани и Астрахани по рекам, перебросив под их стены водой артиллерию, пехоту и все необходимые припасы – как писал американский историк У. Мак-Нил, «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки...»²⁰, то с Крымом такой вариант не проходил. В итоге в борьбе с крымскими татарами русские не могли реализовать с таким же успехом, как в случаях с двумя другими татарскими юртами, Казанью и Астраханью, свое технологическое и техническое превосходство «пороховой империи»²¹.

С другой стороны, крымская элита (по крайней мере, достаточно сильная и влиятельная часть ее) не была заинтересована в сохранении долговременных мирных отношений с Русским государством в силу отсутствия (в отличие, к примеру, от Казани или Ногайской Орды) прочных экономических связей с Москвой. Можно, конечно, было взять на содержание часть татарских «солтанов и вланов, князей и полковых князей, и их братью, и их детей мурз», но содержание «московской партии» при ханском дворе стоило дорого, очень дорого. К тому же, как уже отмечалось выше, в скуповатой Москве к вопросам престижа относились очень щепетильно, не желая давать регулярной выплатой богатых «поминков» повод крымским «царям» полагать русских государей своими данниками (а именно так и ставили вопрос татарские династии²²).

Наконец, великодержавные претензии ханов по-прежнему не находили понимания в Москве. Как, к примеру, должны были реагировать в русской столице на послание хана Сахиб-Гирея I, брата Мухаммед-Гирея? Недовольный промедлением «московского» в сношениях с ним, «Великие орды великим царем силы находцем и победителем», он писал юному Ивану IV в мае 1538 г., что вот-вот выступит из Крыма с войском в поход на Москву. И если великий князь хочет спасти себя и свою страну от разорения, продолжал крымский «царь», то пускай

¹⁸ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 90.

¹⁹ Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 616.

²⁰ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 120.

²¹ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

²² См., например: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016. С. 214–222.

немедленно «своего большего посла с своею казною наборзе бы еси его к Путивлю послал. А перед ним бы еси часа того послал к нам сказати, чтоб в малых днех у нас были». «И будеш по моему слову, – продолжал хан, – ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посмотри, мир учиним». Ну а если Иван, не прислушавшись к голосу разума, по-прежнему будет упорствовать, то тогда, грозил Сахиб-Гирей, «и ты посмотри, что мы тебе учиним... более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свой которой более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько войною такую возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твое государство возму, ино все мои люди сыти будут»²³.

К счастью для Москвы, Сахиб-Гирей, который, с его воинственностью и угрозами мог бы стать для Москвы серьезной головной болью (тем более что ему удалось навести порядок в Крыму и восстановить тамошнюю «вертикаль власти»), ею не стал. Судя по всему, московское направление крымской политики для него не являлось первостепенным. Увлеченный, как и его брат Мухаммед, внешнеполитическими проектами, Сахиб-Гирей упустил из виду пробуждение московского медведя.

В Москве же тем временем произошли серьезные перемены. Со смертью воинственного Мухаммед-Гирея угроза нового разрушительного «крымского смерча» стала не столь актуальной – крымским царевичам было не под силу поднять на Русскую землю весь крымский юрт²⁴. «Малая» же война при всей ее болезненности не носила для Москвы фатального характера, и Василий III вместе с боярами решил все же не менять ориентиры во внешней политике. Западное, «литовское» направление оставалось главным, а восточное и южное, «татарские», по отношению к первому второстепенными. Действия Москвы здесь были продиктованы стремлением не допустить формирования под крымской эгидой единого татарского «фронта» с антимосковской направленностью. Если бы такая коалиция возникла, то Василию пришлось бы отказаться от своих планов продолжить экспансию на западе (между тем, как полагает М.М. Кром, в начале 1530-х гг. Россия и Литва находились на грани войны, и действия Василия III в эти годы как будто подтверждают эту версию²⁵). Потому-то все усилия Москвы были нацелены на то, чтобы не допустить возникновения такого союза. Для этого она активно вмешивалась в крымскую «замятню», поддерживая Саадет-Гирея, преемника Мухаммед-Гирея, но одновременно не забывая «прикармливать» и его соперника Ислам-Гирея. Одновременно русские дипломаты искусно играли на противоречиях между «московской» и «крымской» «партиями» в Казани (и не останавливаясь перед военными демонстрациями, которые должны были привести на казанский стол «московского» хана), привечали ногайских мирз (памятуя о старинной вражде ногаев и крымцев), сколачивая и здесь «московскую» «партию». Таким образом, можно с достаточно высокой степенью уверенности говорить о том, что в целом московская стратегия на этом направлении оставалась оборонительной, и глобальных задач по окончательному решению татарского вопроса в Москве не ставили – но до поры до времени. Эта пора наступила в начале 40-х гг. XVI в. Бурные политические пертурбации и скоротечные перемены на московском политическом Олимпе, последовавшие за безвременной кончиной матери Ивана

²³ Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 238–239. И в 1541 г. хан попытался выполнить свою угрозу и явился с большой ратью на Оку. См. подробнее: Пенской В.В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...» Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

²⁴ О набегах царевичей на русское пограничье см., например: Пенской В.В., Пенская Т.М. Исланова стравка // Золотоордынская цивилизация. 2015, № 8. С. 345–356; Пенской В.В., Пенская Т.М. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 552–569.

²⁵ См.: Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 20–23; Пенской В.В. Черкасское сидение // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., 2016. С. 302–315.

IV Елены Глинской, железной рукой управлявшей государством за малолетнего сына, привели к смене внешнеполитического вектора. Сперва в январе 1542 г. в результате классического дворцового переворота пал могущественный боярин князь И.Ф. Бельский, а вместе с ним и его конфидент митрополит Иоасаф. Спустя пару месяцев, в марте того же года, на незанятую митрополичью кафедру был возведен новгородский архиепископ Макарий, а освободившуюся в связи с его поставлением на митрополию новгородскую кафедру занял игумен новгородского Хутынского монастыря Феодосий²⁶. Затем, согласно разрядным записям, «лета 7051-го году в сентебре (т. е. осенью 1542 г. – В. П.) приговорил князь великий итить в козанские места из Мурома воеводам по полком»²⁷. Правда, этот поход, по неясным причинам, не состоялся, но спустя два с половиною года, в апреле 1545 г., «послал князь великий Иван Васильевич всеа Русии впервые х Козани в судех полою водою воевод своих по полком князя Семена Ивановича Пункова Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода по полком»²⁸. Этой экспедицией было положено начало долгой, растянувшейся на семь с лишним лет очередной, которой уже по счету, Казанской войне. Закончилась она в октябре 1552 г. кровавым взятием Казани и покорением Казанского юрта (не сразу «подрайская землица» признала власть московского государя и его наместников, не сразу – только лишь после долгого и упорного сопротивления). Но вот что любопытно во всей этой «казанской истории» – митрополит Макарий и новгородский архиепископ Феодосий играют в ней далеко не последнюю роль. Именно они выступают (в особенности Макарий²⁹) апологетами наступательной войны против казанских татар и всячески поддерживают воинственные настроения молодого Ивана IV и его воинов, изрядно приунывших после двух первых безуспешных крупномасштабных походов на Казань³⁰. Впору говорить о том, что Макарий и второе после него лицо в русской церковной иерархии (Феодосий Новгородский) – лидеры «партии войны» при московском дворе, одни из главных закоперщиков и инициаторов наступления на Казань!

Понятно, конечно, что при всем влиянии Макария на русский внешнеполитический курс 40-х гг. XVI в. он не мог в одиночку направить энергию юного Ивана на борьбу с казанцами. Однако осмелимся высказать предположение, что появление Макария на политической авансцене переломило ситуацию в пользу «партии войны», после чего обострение конфликта с Казанью и переход его в «горячую» стадию стал неизбежным. Активизация же русской внешней политики в Поволжье, наступление на Казань, затем на Астрахань и попытки Москвы закрепиться на Северном Кавказе вызвали серьезное беспокойство не только в самом Крыму, но что более важно – в Стамбуле. Сопоставим несколько событий – активизацию русской экспансии в Поволжье, два похода во главе с самим царем против Казани, предпринятых в конце 40-х гг. XVI в., вмешательство Москвы в ногайские дела (а сближению Москвы и ногаев способствовал общий взаимный интерес – борьба с растущим влиянием Крыма), дворцовый переворот в Крыму, в результате которого Сахиб-Гирей I, явно переставший обращать должное внимание на поволжские дела и вообще проявлявший излишнюю, по мнению Стамбула, само-

²⁶ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 42–43.

²⁷ Разрядная книга (далее РК) 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 303. Ср.: РК 1475–1598. М., 1966. С. 106.

²⁸ РК 1475–1605. Т. I. Ч. II. С. 316. Ср., например: Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 145.

²⁹ А.И. Филошкин по этому случаю даже говорит о «доктрине Макария» (См.: *Филошкин А.И.* Переход России к наступательной борьбе с татарами (доктрина Макария и ее практическое воплощение) // *Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина.* Елец, 1995. С. 13–15).

³⁰ О роли Макария в Казанской войне и «казанских» посланиях Феодосия см., например: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 212–224; *Филошкин А.И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // *Герменевтика древнерусской литературы.* Сб. 10. М., 2000. С. 327–346. Стоит также отметить, что и небезызвестный Сильвестр, царский духовник, выходец из ближнего окружения Макария, тоже ратовал за покорение «бусурман», причем занимал едва ли не более активную, нежели митрополит, позицию в этом вопросе (См., например: *Курукин И.В.* Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 43).

стоятельность, был убит и заменен Девлет-Гиреем I, и султанское послание последнему, датированное февралем 1552 г.³¹, в котором султан фактически давал новому хану карт-бланш на любые действия для защиты интересов ислама (читай, османских) в Восточной Европе. Добавим к этому тот факт, что на 2-ю половину 40-х гг. XVI в. приходится активизация контактов Москвы с Империей – знаменитая миссия немецкого авантюриста Г. Шлитте (о ней подробнее мы скажем ниже). И что самое любопытное, Шлитте, выступая в роли неофициального эмиссара Ивана IV³², зондирует в Вене почву на предмет заключения союза между Империей и Русским государством, острием своим направленного против Османской империи. И наконец, Москва свертывает свою активность на западном, литовском направлении. Заключенное в 1537 г. по итогам Стародубской войны 1535–1537 гг. перемирие продлевалось в 1542, 1549, 1554 и 1556 гг., и это несмотря на то, что определенная напряженность в отношениях между двумя государствами продолжала сохраняться. Более того, в начале 50-х гг., по мере эскалации конфликта на южном направлении, в Москве постепенно кристаллизуется идея заключения русско-литовского антикрымского союза, ради которого Иван IV был готов пойти на серьезные уступки Вильно³³.

Вряд ли все это было простым совпадением! Поневоле возникает предположение, что все эти события явно из одного ряда и теснейшим образом взаимосвязаны. Агрессивная, экспансионистская политика Москвы в Поволжье и прилегающих к нему регионах неизбежно вела, в случае успеха (а он был весьма вероятен при условии, что московской правящей верхушке удастся договориться о совместных действиях с литовской, тем более что среди литовских панов было немало сторонников союза с Москвой, острием своим нацеленного против татар), к серьезному изменению расстановки сил в Восточной Европе. Усиление же позиций Москвы было не в интересах Стамбула, тем более что там были осведомлены о давних планах Рима и Вены привлечь Русское государство к антиосманской коалиции. И, не желая ввязываться в восточноевропейские политические проблемы (поскольку у падишаха хватало головной боли и на Балканах, и в бассейне Средиземного моря), Сулейман I решил, оставляя за собой свободу рук и не желая преждевременно портить отношения с Москвой, сковать ее по рукам и ногам посредством Крыма.

Намерения султана совпали с позицией «партии» войны при крымском дворе, ядро которой составили давние литовские «доброхоты» (активно субсидируемые из Вильно) и беглецы из Казани и Астрахани. Эта партия оказывала растущее давление на Девлет-Гирея, человека осторожного и не склонного к опрометчивым шагам, стремившегося не доводить дело до полного разрыва с Москвой и по возможности разрешить противоречия путем переговоров. Но, памятуя о печальной судьбе своего предшественника и недовольный неуступчивостью своего московского партнера (который на волне послеказанской эйфории замыслил ни много ни мало, а посадить на крымском столе «своего» хана), он не слишком упорствовал в своем миролюбии (тем более, что военный успех мог сделать Ивана Грозного более отзывчивым к предложениям из Бахчисарая).

Эти (и, возможно, ряд других) соображений в немалой степени способствовали тому, что с 1552 г. Девлет-Гирей вступает с Иваном Васильевичем в период долгой конфронтации. «Война двух царей» продолжалась фактически четверть века, до самой смерти Девлет-Гирея

³¹ См.: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008. С. 103, 104.

³² Высказанное А.И. Филюшкиным мнение о том, что Шлитте действовал на свой страх и риск (и, выходит, фактически был самозванцем), на наш взгляд, представляется недостаточно обоснованным и подвергает сомнению квалификацию и профессионализм имперских дипломатов (См.: *Филюшкин А.И.* Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., 2015. С. 38–42).

³³ См., например: История внешней политики России. Конец XV–XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 153–156.

в 1577 г., и потребовала от обеих сторон колоссальных усилий и жертв³⁴. Здесь, на степном пограничье, на крымской «украине», на «берегу» – оборонительном рубеже по Оке, – решалась и решилась в конечном итоге летом 1572 г. у подмосковного села Молоди судьба Восточной Европы³⁵. И именно эта война была для Ивана Грозного главной, первостепенной! В конце концов, даже на пике своих успехов в 1580–1581 гг. король Речи Посполитой Стефан Баторий мог только мечтать о походе на Москву, а вот Девлет-Гирей дважды сделал это, причем в свой первый приход, в 1571 г., сумел сжечь русскую столицу дотла. И кто знает, как бы повернулись события дальше, как изменилась бы расстановка сил на восточноевропейской (и не только на ней) шахматной доске, если князь М.И. Воротынский проиграл бы битву при Молодах?

³⁴ Ради победы в этой войне Иван IV был готов ради «вечного мира», «покою христианского и свободы христианом от рук бусурманских» отказаться от претензий на Киев и прочие «свои старинные вотчины», оставив русско-литовскую границу в том виде, в каком она сложилась по итогам Стародубской войны (См., например: *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 91–93). И лишь когда в Москве окончательно убедились, что Литва отнюдь не намерена отказываться ради создания антитатарской (а в перспективе – и антитурецкой) коалиции от планов пересмотреть результаты войн, проигранных еще при Иване III и Василии III, Иван IV в сердцах 16 марта 1559 г. произнес роковые слова: «Мы ныне з братом своим перемирье додержим до сроку, а вперед меж нас неправду Бог розсудит» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II // СбРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 576). Дорога к новому раунду русско-литовского конфликта была открыта.

³⁵ О битве при Молодах см., например: *Пенской В.В.* Сражение при Молодах 28 июля – 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 127–236 // Режим доступа: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1. С. 127–236 (последнее обращение 16.11.2014 г.).

2. Ливонский «узелок»

История про то, как Иван Грозный боролся с татарами, конечно, интересна и поучительна, скажете вы, уважаемый читатель, но речь-то идет о войне в Ливонии? И зачем в таком случае столь длинное вступление про совсем другую войну? Что ж, попробуем ответить на этот вполне логичный вопрос. Зададим для начала встречный вопрос – а какое, собственно говоря, место во внешнеполитической «доктрине» Москвы (если этот современный термин можно применить к тем раскладам, основываясь на которые в русской столице принимали те или иные шаги на международной арене) занимала Ливония и проблемы отношений с ней? И ответ будет очевидным – до поры до времени даже и не второстепенное. Любопытный факт – долгое время Москва вообще не имела непосредственных отношений с Ливонской конфедерацией.

Дипломатические связи с ней поддерживали, договоры и соглашения заключали новгородский и псковский наместники. По меткому замечанию А.И. Филлюшкина, для «надменных московитов» Ливония была второстепенным государством, недостойным преклонить колена перед государем, и самое большее, на что она могла рассчитывать, – так это на сношения с государевыми наместниками Новгорода Великого и Пскова³⁶. И в том не было никакого «соромы» для ливонцев и приравненных к ним шведов, поскольку, по словам Ивана Грозного, «на нашей отчине, на великом Новгороде, сидят наши бояре и намесники извечных прирожденных великих государей дети и внучата, а иные Ординских царей дети, и иные Полские короны и великого княжства Литовского брата, а иные великих княжеств Тверского и Рязанского и Суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди...»³⁷. И после того, как весной 1503 г. было подписано перемирие, поставившее точку в короткой войне между Ливонией и Русским государством и установившее новую, устраивающую Москву реальность на «немецкой Украине», северо-западный рубеж надолго перестает привлекать пристальное внимание Москвы. Ее в намного большей степени заботили проблемы «большой» политики, связанной с Литвой и татарами, ну а для того, чтобы решать возникающие в отношениях с Ливонией вопросы, достаточно было и посаженных наместниками в Новгороде и Пскове «прирожденных великих государей детей и внучат».

Тем временем, пока внимание Москвы было занято литовскими да татарскими делами, на ливонском рубеже начали постепенно накапливаться проблемы. Магистр В. фон Плеттенберг более или менее успешно воевал с полками Ивана III, однако прекрасно осознавал при этом, что его успехи были не столько его заслугой, сколько тем, что внимание могущественного соседа Ливонии было отвлечено на борьбу с Литвой. Поэтому, когда после смерти Ивана король Польши и великий князь литовский Сигизмунд I, соблазнившись предложением казанского хана Мухаммед-Эмина вместе с крымским ханом Менгли-Гиреем выступить против московита, предложил магистру принять участие в антимосковской коалиции, Плеттенберг под благовидными предлогами отказался от такой чести³⁸. Однако Ливонская конфедерация была рыхлым, децентрализованным государственным образованием, и магистр, несмотря на весь свой авторитет и влияние, не мог полностью контролировать действия остальных членов ее. И вот постепенно, шаг за шагом, начали накапливаться взаимные претензии новгородцев, псковичей, ивангородцев и ливонцев (прежде всего ревельцев и нарвитян) относительно всяческих

³⁶ Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 136.

³⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I. 1556–1586 гг. // СБРИО. Т. 129. СПб. 1910. С. 20.

³⁸ Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995. P. 79–80. О замысле Мухаммед-Эмина см.: Пенской В.В. «Мы хотимъ также вашему неприятелю московскому неприязнь вчинити...»: казанский хан Мухаммед-Эмин и попытка создания антимосковской коалиции во 1506–1507 гг. // История в подробностях. 2015, № 9 (63), с. 26–37.

утеснений в торговле, которые претерпевали купцы с обеих сторон. И тут уже не важно, кто начал притеснять купцов первым – русская ли сторона, ливонская ли, важно другое – на русско-ливонском пограничье началась торговая война. Для Москвы она была тем более болезненной, если принять во внимание ее зависимость от поставок из-за рубежа целого ряда товаров, которые можно назвать стратегическими, – прежде всего драгоценных и цветных металлов (которых на Руси не было). Ливонские же города, стремясь сохранить столь выгодное для них положение посредников в торговле России с Западом, и ливонские же ландсгерры (преследуя свой политический интерес)³⁹ препятствовали вывозу этих товаров в Московию, и под их давлением ливонский ландтаг неоднократно налагал запреты на вывоз серебра, свинца, меди и олова (да и не только этих товаров) в Россию⁴⁰. Стремясь обойти эти препоны, русские купцы ищут обходные пути. Так, например, серьезное недовольство ратманов Дерпта, Ревеля и Нарвы вызвала попытка купцов из Пскова, Ивангорода и Новгорода отказаться от использования традиционных сухопутных торговых маршрутов и перейти к перевозке товаров морем, в том числе и используя зафрахтованные шведские шкуты⁴¹. Как серьезную угрозу своим торговым интересам ливонские купцы рассматривали попытки третьей стороны вмешаться в процесс товарообмена и тем самым сбить цены. Потому-то с большой тревогой добрые нарвские бюргеры писали летом 1531 г. в Ревель о том, что некий амстердамский «купец» прибыл в Ивангород и, бросив якорь в гавани, разгрузился, имея на борту груз свинца, вина и сельди. И что вызвало особое беспокойство нарвских ратманов, так это то, что голландцы нашли русскую гавань достаточно удобной, посему и намеревались в будущем году явиться сюда в большем, чем ныне, количестве. Примечательно, что у шхипера голландского «купца» был императорский паспорт и разрешение на торговлю с русскими (впрочем, это и неудивительно, ибо император Карл V покровительствовал нидерландцам)⁴².

Проблемы, которые испытывали русские купцы в торговле с Западом при ненадежном посредничестве ливонцев, не могли, как уже было отмечено выше, не вызвать беспокойства в Москве. В конце концов, если, предположим, торговля воском или салом, закупки вина и сельдей были делом в большей или меньшей степени новгородцев или псковичей, то этого никак не скажешь о более или менее регулярных поставках драгоценных и цветных металлов из-за рубежа. Нет серебра – невозможно чеканить монету, нет свинца, меди и олова – как можно лить пушки и из чего делать пули для пищалей? А ведь обладание огнестрельным оружием, тяжелым ли, легким ли, давало несомненные преимущества русским перед теми же татарами, да и в войне с Литвой без огнестрельного оружия никак нельзя было обойтись. Стремясь обойти возникавшие время от времени препоны, московские власти не только пытаются урегулировать возникающие споры путем переговоров, но и пытаются наладить альтернативные пути получения нужных стратегических товаров. И вот весной 1536 г. нарвские ратманы пишут в Ревель, что московский великий князь повелел некоему итальянскому градодельцу поставить крепость в самом узком месте Наровы с тем, чтобы взять под контроль вход в реку⁴³. Крепость была выстроена⁴⁴, и ее неожиданное (хотя так ли уж неожиданно оно было – складывается впе-

³⁹ Вбросив в конце XV в. в европейское «информационное поле» мотив «Rusche gefahr» («русской угрозы»), ливонские ландсгерры посчитали его одним из условий сохранения, *raison d'être*, Ливонской «конфедерации» как политического субъекта, не приняв во внимание при этом весовые категории Москвы и Ливонии и не просчитав возможные риски от подобной недружелюбной политики. О ливонских мерах по препятствованию поставок в Россию стратегического сырья и лошадей и формировании курса на противостояние с Москвой см., к примеру: *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. С. 272–273, 360–361.

⁴⁰ См., например: *Гильдебранд Г.* Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. С. 76–78.

⁴¹ Там же. С. 77.

⁴² Там же. С. 78.

⁴³ Там же. С. 81.

⁴⁴ О русских нарвских городках см.: *Косточкин В.В.* Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки

чатление, что эта крепость была построена в связи с продлением перемирия между Псковом и Новгородом с одной стороны и Ливонской конфедерацией с другой в рамках предпринятого правительством Елены Глинской плана строительства крепостей и укрепленных городов по всей России. – В. П.) появление вызвало серьезную обеспокоенность не только в Ливонии, но и в ганзейских городах, прежде всего в Любеке⁴⁵. И еще один любопытный факт – судя по всему, еще в 90-х гг. XV в. действовал небольшой русский порт в устье Невы (и позднее он еще будет «всплывать» в ходе Ливонской войны)⁴⁶.

Дальше – больше. Спустя 10 лет после описанных событий, тогда, когда в Москве всю готовились к наступлению на Казань, в русской столице объявился некто Ганс Шлитте, немец из городка Гослар (кстати, Гослар был славен рудниками в горе Раммельсберг, где добывали серебро, свинец, медь и другие металлы) с рекомендательными письмами от прусского герцога Альбрехта (sic!)⁴⁷. О чем вел переговоры вел Шлитте с московскими дьяками и от чьего имени – доподлинно неизвестно⁴⁸, но результат их, напротив, известен очень хорошо. Осенью 1547 г. Шлитте уже в Аугсбурге и с легкостью получает аудиенцию у императора Карла V (того самого, который выдал паспорт и соответствующее разрешение на торговлю с русскими амстердамскому шхиперу, прибывшему с грузом в Ивангород в 1531 г.). Очарованный шустрым саксонцем (и, надо полагать, видом верительных грамот от самого московитского государя) и открывающимися перспективами в связи с присоединением москвиты к антитурецкой коалиции (sic!), император в январе 1548 г. разрешает Шлитте набрать специалистов, в том числе и военных – оружейников, инженеров и пр., а также восстановить торговлю оружием и стратегическими материалами с русскими (кстати, вряд ли было совпадением, что вскоре после отъезда Шлитте Сигизмунд Герберштейн публикует свои «Записки о Московии», мгновенно ставшими бестселлером и главным источником сведений о таинственной и загадочной Московии).

Наровы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 52. М., 1953. С. 25–32. Обращает на себя внимание тот факт, что эта статья, написанная более 60 лет назад, осталась практически не замеченной отечественными и зарубежными историками.

⁴⁵ Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах... С. 81. Кстати, по всему выходит, что орденский магистр Герман фон Брюнгеней, узнав о строительстве городка в устье Наровы, снова начал препятствовать поставкам серебра, свинца, меди и олова в Россию.

⁴⁶ См., например: Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 271; Сорокин П. Археологические памятники Охтинского мыса // Наука в России. № 3 (183). 2011. С. 23–24.

⁴⁷ Таймасова Л.Ю. «Дело Шлитте» // Новый исторический вестник. № 17. 2008. С. 31.

⁴⁸ Л.Ю. Таймасова полагает (и ее доводы выглядят довольно убедительно), что Шлитте был агентом банкирского и торгового дома Фугтеров (Таймасова Л.Ю. Указ. соч. С. 32–33). И если это так, то тогда вовсе не выглядит чудесной та легкость, с которой Шлитте открывал двери к знатнейшим и могущественнейшим царственным особам что Европы, что России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.